Горловский Медиа Портал
28.12.12 10:48

Как пелось в старой советской песне, молодым у нас везде дорога. Так оно и есть - пока человек молод, он еще способен хоть что-то изменить в этом мире. У него есть силы, время и желание перевернуть все вверх дном. Это потом уже появляются дети, которых нужно кормить, работа, которую можно потерять, и репутация, заставляющая «соответствовать». Поэтому революционеры всех времен и народов пытались донести свои идеи, прежде всего, до молодежи. Не зря же говорил один несостоявшийся австрийский художник, ставший позднее вождем Германии, «за кем молодежь, за тем и будущее». Вот только кто сей идущий вдаль и куда он ведет молодых?

Перемен, мы ждем перемен. Вот именно – ждем. Мы постоянно кого-то высматриваем и на что-то надеемся. Что некто всемогущий прилетит в голубом вертолете и подарит нам очередную реформу в красивой упаковочке. А все эти перемены оказываются всего лишь хитро смонтированным видеосюжетом. Люди постарше к этому уже привыкли, поэтому, завидев очередной «голубой вертолет», идут мыть посуду, проверять уроки у своих чад и доделывать ремонт. А вот молодежь…. Та еще собирается на предвыборные концерты, участвует в круглых столах и верит в перемены. Потом во всем быстро разочаровывается, опускает руки и принимает окружающую действительность, как само собой разумеющееся. «Юность занята собой, на окружающих смотрит вполглаза, – рассуждала на эту тему в своих мемуарах Зинаида Гиппиус. – Самый неблагодарный, да и неприятный, возраст 17-20 лет. К жизни еще не привык, к себе самому тоже. Ни жизни, ни смерти, ни людей не понимаешь, а между тем убежден, что отлично все видишь, понял и даже во всем слегка разочаровался».

Для увеличения нажмите на изображение

В Горловке из всех событий уходящего года мне, пожалуй, лучше всего запомнится

мартовская акция протеста студентов ГГПИИЯ. Почему? Была у меня какая-то вера в эту авантюру. Ну, посудите сами, в числе студентов нашего иняза не только молодежь Горловки, но и других украинских городов. А это значит (вернее, есть такая вероятность), что в них меньше донбасского конформизма и соглашательства. Поэтому была надежда, что, сплотившись, они смогут противостоять тем противоправным процессам, которые процветали в их ВУЗе. Но, как известно, надежда – тетка своенравная, и не всегда выполняет свои обещания. Ребята покричали, внимание привлекли, добились формальных уступок и… все оставили на своих местах. Независимой студенческой организации не создали, комитета по соблюдению выполнения требований не сформировали, механизм противодействия самоуправству руководства ВУЗа не выработали. Пошумели, братцы? И что теперь? Да, собственно, ничего. Возможность что-то изменить тихо умерла в ожидании результатов прокурорских проверок и ответов из Министерства, а также в приступах страха перед «ректорской расправой».

Вы можете спросить: «А к чему это вы, Егор, все рассказываете?». Нет, я вовсе не собираюсь вспоминать парижские события 1968-го года. Или восстание в Афинском Политехническом университете в 1973 году. Речь пойдет о моем сне. Да-да, не удивляйтесь. О самом простом сне. Хотя, кто назовет сны простым явлением нашей психики? Так вот, приснился он мне в ночь на 25 декабря (в католических странах его бы назвали предрождественским), и был он настолько запоминающимся, что я решил рассказать о нем и вам. Снилось мне, будто я – преподаватель в Университете мертвых языков и читаю курс лекций по структуральной поэтике. Особым рвением в общественной жизни Университета не отличаюсь: работаю ради зарплаты. А по вечерам пью портвейн, общаюсь со студентами-верлибристами и заканчиваю свой труд по семиотике снаффов. Что касается администрации, то наш Университет возглавляет ушлый ректор-делец по фамилии Специанов. Говорят, что его предшественник был уж слишком падок на молоденьких студенток, чем нынешний глава ВУЗа и воспользовался, отправив какую-то видеозапись в Магистрат. Когда же предшественника сняли, он сумел убедить университетскую профессуру назначить его на вакантную должность.

Для увеличения нажмите на изображение

Шло время. Университет, некогда гремевший своей научно-исследовательской славой на всю Страну, медленно и уверено стал загнивать. Старые учебные корпуса стали

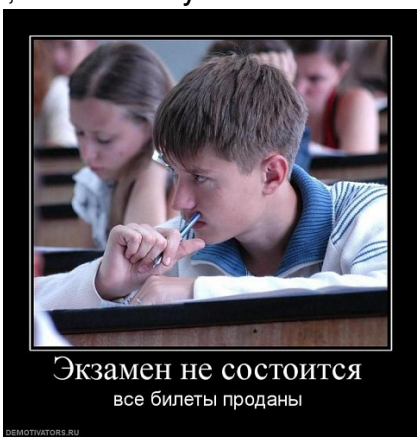
разваливаться прямо на глазах, а о новых перестали мечтать даже самые наивные младенцы. Правда, некогда Университету был отдан бывший Дом арбитров, но новым корпусом он так и не стал. Каждый год на его ремонт списывались значительные суммы, но ни одного гвоздя (ни внутри, ни снаружи) в его стены так и не вбили. За годы правления нового ректора из Университета разбежалась почти вся преподавательская элита, а оставшейся профессуре пришлось искать подработки в частных губернских ВУЗах. Те, кто не хотел куда-то ехать на заработки, начал просто брать со студентов деньги. Цена обычного, не дифференцированного, зачета дотягивала порой до 350 злотых, а серьезный экзамен по языковой теоретической дисциплине в среднем обходился студиозу в 800 злотых. Я уж не говорю о ДЕРЖах и бакалаврских экзаменах. Кстати, поговаривают, что ключи к тестовым заданиям вступительного экзамена на магистра глава приемной комиссии толкала по 400 дукатов! А поскольку суммарная оценка на экзамене включала в себя баллы, заработанные студентами в течение семестра, то им приходилось платить не только экзаменатору, но и ведущему преподавателю. Но не все экзаменаторы опускались до прямых переговоров с учащимися. Для этих целей в Университете существовали специальные люди – посредники. В то же самое время, если студент был умен и терпелив, то он мог и не платить. И, как ни странно, сдавал. Главное тут было – настойчивость и знания.

Для увеличения нажмите на изображение

Больше всего студиозов беспокоили их общежития. Там не только всегда было холодно, но и время от времени возникала угроза светоотключения. У Университета был большой долг за факельное топливо. А нет света – будь любезен, студиоз, ищи себе жилье сам. Однажды это привело к тому, что курсисты вышли на улицы, стали кричать и топать ногами. Мол, их не только в учебных корпусах мерзнуть заставляют, но еще и жилья лишают. Кто-то вспомнил и 250 злотых, которые Специанов требовал от студиозов. Добровольно. Через кураторов групп. На оплату долгов Университета. Тут сбежались летописчики, а за ними и сам бургомистр пожаловал. Успокоил и пообещал разобраться во всех темных делах, творящихся под куполом их ВУЗа. Здесь же и служители ока государева прибыли. Потребовали, чтобы студиозы в письменной форме сообщили фамилии тех, кто, якобы по собственной инициативе, не посоветовавшись с администрацией, заставлял их «помогать» Университету. Студиозам, отказавшимся написать такие заявления, злотые так и не вернули.

Не по душе пришелся ректору Университета подобный бунт. И уж особо то, что студиозов поддержала профессура. Молчаливо, но поддержала. А ему ведь хотелось, чтоб все его боялись. Да и кому понравится, когда у твоей коровы, кроме вымени, оказываются еще копыта да рога. Тут-то все и понеслось. Мой сон превратился в настоящий кошмар. Ректор совсем с катушек слетел. Потребовал, чтобы стипендию получали не более 50% тех, кто обучается за счет казны. Как? «Валить» студиозов на экзаменах. А еще отчислять старшекурсников, если кто-то из них хотя бы на день задержал плату за обучение. Отчисленных студиозов восстанавливали на следующий же день. Однако цена обучения для них становилась выше. Они начинали платить сумму, назначенную им в момент восстановления, а не при поступлении в университет.

Для увеличения нажмите на изображение

Что профессура? О, здесь все оказалось совсем печально. Преподавателей почти ежемесячно начали лишать большей части зарплаты. Два раза в год (в январе и июне) они все «добровольно» брали отпуск без сохранения зарплаты (около 15 дней). Начиная с апреля, им регулярно сообщали о счетных ошибках казначейства Университета. Якобы в течение последних двух лет им неправильно начислялась индексация, или выплаты за выслугу лет, или отпускные. Посему преподаватель должен был написать заявление и попросить (!), чтобы у него вычли из жалования от 2000 до 4000 злотых. Часть этой суммы Специанов обещал возмещать за счет премии в размере оклада. О задержке зарплаты за май и июнь, а также отпускных и оздоровительных (большую часть сумм преподаватели получили в сентябре), я не буду говорить – эти вещи стали в ВУЗе сами собой разумеющимися. В ноябре и декабре коллективу объявили об очередной счетной ошибке казначейства – якобы абсолютно всем, кто получал индексацию, ее начислили неправильно! И вновь профессура начала возвращать Университету злотые. Кроме "исправлений" казначейства, Специанов уменьшил их надбавки за ученые звания и степени. Вместо 40%, как в других Университетах, или 20%, как это было установлено в нашем, доцент стал получать 1,5% надбавок. На все жалобы ректор отвечал просто – нарушения совершались без его ведома.

Но и это не все. Буквально, через пару месяцев после бунта студиозов в Университете произошли массовые увольнения. «Ушло» около 100 человек профессуры. Почти все преподаватели были переведены «на контракт» сроком на год, доценты – на два года. В июне каждого года всех преподавателей обязали проходить унизительную процедуру –

«Темное вече», где компетентная комиссия из проректоров и разношерстных начальников стала проверять их профпригодность. Профессуру вызывали по одному и обвиняли во всех смертных грехах, при этом угрожая сокращением и выбивая обещания срочно защитить диссертацию, издать учебник с грифом Магистрата, достать звезду с неба и т.п. Бедняга обещал исправиться, умолял дать последний шанс. Но мало кто из членов комиссии сам делал то, что требовал от преподавателей (поскольку их освободили от необходимости публиковать статьи, участвовать в конференциях и даже учебную нагрузку у них свели до минимума). Ректор объяснил существование такой комиссии тем, что он единолично не смог решить, кого сократить, а комиссия выработала объективный «вердикт». Но это, естественно, было неправдой. Решения по поводу продления контракта принимал только он сам. Вече же нужно было для запугивания преподавателей, выбивания денег за продление контракта из тех, кто готов был платить ежегодно, а также жестокой расправы с инакомыслящими.

Для увеличения нажмите на изображение

Чем закончился мой сон? Ректор оказался вампиром-рыфром из Гашшарвы, а Университет мертвых языков – одним из воплощений ада на Земле. Верных себе профессоров Специанов превращал в вампиров, а всех остальных – в чистый поток энергии, которым, собственно, и питался. А студиозы… Из их эмоций делали вытяжку для эликсира вечной молодости. После этого студиозы становились ко всему равнодушными. В том числе, к крикам своих преподавателей. У меня до сих пор стоят в ушах их мольбы о помощи. Да и руководители страны, в которой располагался Университет, мало чем отличались от студентов. Они также «ни жизни, ни смерти, ни людей не понимали, а между тем были убеждены, что отлично все видят, понимают и даже во всем слегка уже разочаровались». Мне до сих пор как-то не по себе от этого сна. Ведь, несмотря на то, что это был всего лишь сон, что-то мне подсказывает – его корни где-то рядом.

Егор Воронов, специально для "Горловского Медиа Портала"